

УДК 340.11:330.341.1

ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ КАК ОСНОВА СТРАТЕГИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Е.В. САЛЬНИКОВ*Орловский юридический
институт МВД России*

В статье раскрываются философско-правовые основания стратегии противодействия экстремизму в современной России. Автор считает, что философская концепция «социальной защиты» не будет эффективной применительно к экстремистской деятельности. Опираясь на идеи Ч. Ломброзо, Ж. Бодрийера, М. Фуко, автор обосновывает, что уголовное наказание за экстремизм не способно ни устрашать, ни исправлять преступников.

Ключевые слова: Экстремизм, теория устрашающего возмездия, теория социальной защиты, теория исправления, философия наказания.

Проблема противодействия экстремизму остается одной из наиболее актуальных для российского государства. Последовательная реконструкция мер, предпринимаемых руководством страны для борьбы с экстремистской деятельностью, позволяет выявить основные черты концепции противодействия экстремизму. Если в середине 90-х годов прошлого века отмечается определенная разнонаправленность действий по борьбе с экстремизмом, то с начала XXI века мы видим четкую тенденцию к росту криминализации экстремистской деятельности, усилению уголовно-правовой и административно-правовой ответственности за экстремизм, параллельно происходит образование отдельных структур по противодействию экстремизму.

С точки зрения философии права подобные действия власти однозначно демонстрируют, что в основу стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации на настоящем этапе положена философско-правовая концепция социальной защиты. В условиях роста противоправной активности экстремистских элементов проблема эффективности избранной политики противодействия экстремизму требует не только правового, но и философского анализа.

Философско-правовая концепция социальной защиты – это достаточно распространенная концепция, которая исходит из наличия человека как носителя свободной воли, которая может быть направлена как во благо общества, так и против. Социальная защита может удерживать человека от противообщественных поступков, но не в силах изменить процесс принятия человеком максимы своего поведения. Иначе говоря, эта концепция признает нормальным существование таких явлений, как преступление, преступность, преступная воля. С точки зрения такой концепции можно бороться не с самой преступностью, а лишь с ее проявлениями. Наказание с этой точки зрения, есть средство восстановления нарушенного социального порядка в соответствии с представлениями о справедливости как равенстве всех людей перед законом. Этот закон понимается как некое ограничение, предел действия человеческой свободы. Такой предел указывает, какие действия и состояния установлены для каких именно субъектов, какие полномочия, обязанности и запреты есть в наличности. Исполнение нормы обеспечивается санкцией, т.е. указанием на возможные негативные последствия, которые должны постигнуть нарушителя нормы. Нормы права в таком случае предстают как нечто внешнее по отношению к человеку.

Система противодействия экстремизму с этих позиций является ничем иным как защитой общества от экстремистских деяний. Ее цель не устранить экстремизм в принципе, а обеспечить воздаяние за экстремистскую деятельность как за действия, нарушающие социальный порядок и ставящие под угрозу права и свободы граждан. Данная позиция

стремится максимально уменьшить аксиологический аспект, исключая оценку экстремизма по шкале «добро-зло». Обращение к экстремизму с этих позиций есть акт полагания свободной воли субъекта, воплощающейся в тех или иных деяниях. Одновременно этому свобода воли влечет и ответственность за содеянное. Как верно заметил Г. Гегель: «Наказание... есть вместе с тем его в себе сушая воля, наличное бытие его свободы»¹.

Согласимся с тем, что подобная концепция в достаточной мере соответствует сущности правого демократического государства в силу именно того обстоятельства, что она не ставит под сомнение принцип свободы каждого и, осуществляя противодействие, не нарушает права и свободы, но, напротив, утверждает их. Право на противодействие – пресечение и наказание есть право публичное, которое признает свободу каждого, часть которой каждый отчуждает в пользу правителя. Каждый свободен в рамках легитимированного закона, и, поступая против закона, человек вправе ждать возмездия, как «возвращение бумеранга» своей свободы. Социальное возмездие есть деятельное уважение свободы каждого всеми, проявляющееся в неизбежности наказания, что обеспечивается государством как верховным гарантом свободы.

Эффективность социальной защиты во многом определяется тем обстоятельством, насколько предпринимаемые государством меры способны отвратить преступников (в нашем случае, экстремистов) от противоправного деяния. Исходя из этого, концепция социальной защиты может быть построена на двух основаниях: устрашающее возмездие или исправление.

Принцип «устрашающего возмездия» является одним из наиболее древних философско-правовых принципов построения систем противодействия преступности. Устрашающее возмездие может основываться как на чувственном зле, так и на психическом воздействии. В любом случае речь идет о принципе, ясно выраженном еще в Уложении царя Алексея Михайловича: «Наказать нещадно, чтобы другим неповадно было», чему вторят тексты старинных германских приговоров: «ради заслуженной кары ему и ради устрашающего примера другим». Следовательно, противодействовать нужно таким образом, чтобы итоговое свершение права в наказании удерживало других членов общества от повторения подобных деяний. И чем более опасно деяние, тем более жестоким должно быть наказание за него, причем с ростом противоправной активности наказание должно ужесточаться. Противодействие экстремизму, основанное на принципах концепции социальной защиты, выражается в лозунге отказа от любых уступок экстремистским элементам и максимально жесткого наказания за экстремизм.

На первый взгляд, кажется, что теория устрашающего возмездия не приемлема в современном мире. Принцип устрашения имеет своим пределом физические или же психические мучения или смерть (тоже, возможно, мучительную). Современная пенитенциарная система и гуманитарное право в целом делают абсолютно невозможными физические мучения людей, находящихся в заключении. Попытки заключенных и подобные им практики идут вразрез с правами человека и гражданина – основополагающими принципами либеральной демократии и любая попытка их применения встречает совершенно обоснованную критику правозащитников. Однако скандал вокруг тюрьмы в Гуантанамо и тому подобные события отнюдь не случайны. Зачастую, лишение свободы для экстремистов преподносится именно как устрашающая акция.

Ярким примером построения стратегии противодействия экстремизму на принципах теории устрашения являлась ФРГ. В 60-х годах XX века ФРГ столкнулась с острой проблемой необходимости противодействия левоэкстремистским организациям. Экстремистские элементы и, прежде всего, члены организации RAF (Фракция Красной Армии) совершили целую серию тяжких преступлений: поджогов, убийств, захватов заложников, выступали организаторами массовых беспорядков. В сложившейся сложной ситуации руководство страны пошло на значительное ужесточение наказания. Сроки тюремного заключения, к которым приговаривались активисты RAF, в большинстве случаев исчислялись десятилетиями, так что некоторые из них вышли на свободы только в начале XXI века. Так, в 2006 году тюрьму покинула Б. Монгайт, отбыв в заключении более 25 лет, а отдельные члены RAF находятся в заключении и по сей день. Для содержания экстреми-

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М., 1990. – С. 147.

стов был построен особый тюремный комплекс в Штаммхайме, где применялись, в том числе и методики сенсорной депривации. Даже незначительная связь с экстремистскими организациями могла повлечь поражение в правах и запреты на участие в определенных видах деятельности (Закон против экстремистов 1972 г.).

Обращаясь к германскому опыту, следует все же признать, что у нас нет достаточных оснований для того, чтобы утверждать результативность выбранной политики противодействия и ее философских оснований. Несмотря на то, что лидеры RAF – Э. Гудрун, У. Майнхоф и А. Баадер – были арестованы еще в 1972 году, а в 1976-1977 годах уже погибли в тюрьме Штаммхайм, их сменяет второе и последующие поколения RAF, в целом продолжая экстремистские акции вплоть до 1991 года, причем акции достаточно масштабные – 30 ноября 1989 года RAF осуществляет убийство главы «Deutsche Bank» А. Херрхаузена, а 1 апреля 1991 года Д. Роведдера – главу правительственного агентства, курировавшего приватизацию в Восточной Германии. Действительно, в 90-х годах RAF прекратила свое существование, но нельзя однозначно утверждать, что было причиной этого успеха: проводимая политика противодействия экстремизму или же объединение Германии. Кроме того, уже со второй половины 90-х годов XX века в Германии значительно активизируется правый экстремизм, что едва ли было бы возможным, если бы принцип устрашающего возмездия был действительно действенным оружием противодействия экстремизму.

Обстоятельная критика принципа «устрашающего возмездия» применительно к деятельности экстремистов была осуществлена еще Ч. Ломброзо в ходе анализа анархизма и практик противодействия ему.

Ломброзо отрицает действенность устрашения применительно к экстремистам. Напротив, считает итальянский мыслитель, мучения экстремистов, находящихся в местах лишения свободы, лишь способствуют росту количества лиц, вовлекаемых в экстремистскую деятельность. Легенды о мучениях, испытываемых экстремистами, оказываются лучшим средством для привлечения новых членов в ряды экстремистских организаций. Как считает Ломброзо, физические или психические лишения, которыми подвергаются за свои действия экстремисты, возбуждают фантазию мечтателей и фанатиков. «Во всяком обществе, – пишет Ч. Ломброзо, – существует элемент, который испытывает потребность в преклонении перед жертвой, в восхищении ею и даже иногда в принесении себя в жертву. Им доставляет удовольствие чувствовать, что их преследуют, думать, что они – жертвы насилия и человеческой злобы; и они выбирают ту партию, в которой опасность наиболее велика, совсем как те альпинисты, которые выбирают для восхождения места с самыми глубокими пропастями и с самыми неприступными скалами. Для таких людей преследования, которые ведутся против анархизма, гораздо существеннее, чем сама идея»². В качестве яркого примера Ломброзо приводит российские практики, где репрессии по отношению к анархизму и марксизму вызвали лишь активизацию деятельности данных сил.

Усиление наказания экстремистов, доказывал Ломброзо, ведет к росту числа новых адептов экстремизма. Страх не отталкивает, а притягивает. Заключенные не изгой, а герои. В подтверждение этому вспомним баннеры, посвященные осужденным националистам «Узники совести – вы не забыты!», не один раз уже раскрывавшиеся над фанатскими секторами по ходу матчей футбольных команд российской премьер-лиги, начиная с 2007-2008 годов.

Еще более спорным можно считать устрашающее воздействие смерти на экстремистскую деятельность. Смерть вообще имеет особый статус в экстремизме. Ч. Ломброзо первым отметил определенную тягу экстремистов к смерти. Он полагал, что экстремизм есть снятая форма самоубийства. Тяга к смерти, смерть как доминанта – этот мотив мы находим практически у всех экстремистов. В воспоминаниях, дневниках и мемуарах практически всех экстремистов присутствует тема смерти и самоубийства. В качестве примеров можно привести лидера «Черных пантер» Х.П. Ньютона, видевшего свою дея-

² Ломброзо Ч. Анархисты. [Электронный режим доступа] http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Lomb_Anarh/06.php

тельность как «революционное самоубийство»³, Б. Савинкова, в автобиографической прозе которого самоубийственные мотивы занимают важнейшее место. Достаточно поэтично пишет он о самоубийственной смерти:

«Мне не нужно тихого света. Пусть любовь спасет мир. Мне не нужно любви. Я один. Я уйду из скучного балагана. И, – отвернется на небе храм, – я скажу и тогда: все суета и все ложь. Сегодня ясный, задумчивый день. Река сверкает на солнце. Я люблю ее величавую гладь, лоно вод, глубоких и тихих. В море гаснет печальный закат, горят багряные зори. Грустно плещет волна. Никнут ели. Пахнет смолой. Когда звезды зажгутся, упадет осеняя ночь, я скажу мое последнее слов: мой револьвер со мной»⁴.

В аксиологии экстремизма ценности смерти и жизни поменялись местами. Смерть в экстремистской культуре является положительной ценностью. Умереть в борьбе почетно, только враг будет цепляться за жизнь, унижаясь и теряя человеческий облик. Жизнь, в которой приходится терпеть унижения и смиряться, жизнь неподлинная есть жизнь неполноценных людей – врагов. Образ врага связан с этой неподлинной, неправильной жизнью, за которую он цепляется и тем выдает свою неполноценность. Подлинный человек – экстремист – предпочтет борьбу, лишения и смерть. Умереть за правое дело означает прожить подлинную жизнь, тогда как отказать от борьбы в угоду призрачному существованию, неподлинному доживанию и смирению – вот что означает смерть. Мир левого экстремиста биполярен. Или – или, промежуточных ступеней нет. Х. Майнс, один из лидеров RAF писал: «Свинья или человек, спасение любой ценой или битва насмерть, проблема или решение. Третьего не дано.... В любом случае я был на стороне правды,... все равно все умрут. Единственный вопрос, это как ты умрешь и как ты жил. Ну, а здесь все ясно: воевал со свиньями, как человек за освобождение человечества; революционер, воевавший с любовью к жизни и презревший смерть»⁵.

Кроме того, как подчеркивал Ч. Ломброзо, «смерть приверженцев учения может вызвать только реакцию, в смысле повторения того же преступления, потому что фанатиков не успокаивает, а раздражает смерть их единомышленников»⁶. Смерть лидера способна мобилизовать приверженцев экстремистской идеи. Смерть приверженца какой-нибудь идеи не убивает самой идеи; часто даже наоборот, она выигрывает от окружающего ее ореола мученичества, тогда как бесплодная идея все равно погибла бы сама собой. Экстремистские идеи вспоены кровью тех, кто отдал за них свои жизни. В этой связи абсолютно не случаен законодательный запрет на указание места захоронения лиц, осуществлявших террористические акции.

Смерть – это аксиологический максимум экстремизма, и последующие поколения оценивают себя уже по отношению не к конкретной личности со всеми ее достоинствами и недостатками, а по отношению к положительному абсолюту смерти. Это имеет своим следствием качественный рост личностей сторонников экстремизма. Как писал Ломброзо: «Вместе с тем, как начинается преследование, тип “убийцы” становится лучше, и из преступника он превращается с этого момента в честного фанатика»⁷.

Важный момент – рост мужества и отваги экстремистов как ответ на усиление наказания. Чем более честен и фанатичен экстремист, тем безразличнее для него последствия его поступка. Он одержим жаждой экстремистского поступка и совершит его, чего бы это ему ни стоило, даже в тех условиях, когда он будет вполне уверен, что его схватят и осудят. Как отмечал Ч. Ломброзо, «Законодатели хотели запугать анархистов последним средством, которое стало, кажется, талисманом общества, – топором палача. Но им приходится с ужасом констатировать, что анархисты все смелее и более открыто наступают

³ Ньютон Х.П. Революционное самоубийство. – М.: Ультра-культура, 2005.

⁴ Савинков Б. (В. Рошпин). Конь бледный. //Савинков Б. Автобиографическая проза. – М.: Захаров, 2002. – С. 484.

⁵ Вэйг Т. Телемечтатели: Фракция Красной Армии: 1963 – 1993. – Гродно, 2004. – С. 63.

⁶ Ломброзо Ч. Анархисты. [Электронный режим доступа] http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Lomb_Anarh/06.php

⁷ Ломброзо Ч. Анархисты. [Электронный режим доступа] http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Lomb_Anarh/06.php

на общество уже с тыла, не прячась больше и не обращая внимания на разность сил.»⁸ Обратим внимание, что именно по этому сценарию происходит трансформация экстремистских акций в России. От хулиганского нападения в темном переулке экстремизм эволюционировал до погромов на рынке и видеороликов проведенных акций в Интернете, от избиения нелегала гастарбайтера до убийства известного общественного деятеля.

Наконец, последний контраргумент философско-правовой концепции «социальной защиты и устрашающего возмездия» касается места и роли смерти в современном обществе постмодерна вообще. Феномен смерти в виртуальном мире постмодерна с достаточной полнотой проанализирован Ж. Бодрийяром, который вывел смерть за рамки чисто антропологического или теологического рассмотрения, утвердив ее на поле отношений властеположения в постмодернистском мире.

Современное общество, согласно концепции Ж. Бодрийяра, есть общество симулякров. Оно замещает виртуальностью все подлинное и лишь смерть выпадает из этой системы символического обмена. В этом случае смерть оказывается тем элементом, который грозит разрушением сложившейся системе власти, а потому власть стремится к упразднению смерти. Власть, чтобы быть полной должна лишиться человека смерти – того единственного подлинного, что еще осталось в современном мире. Смерть – это вызов системе власти, а потому стремление власти к «оживлению» смерти проходит через все структуры современного мира.

Экстремистские акции как раз и представляют собой такой вызов системе со стороны смерти. Бодрийяр раскрывает свою мысль путем анализа акты захвата заложников. По мысли французского философа, в символическом плане, то есть в плане жертвоприношения, где исключаются всякие моральные соображения о невинности жертв, заложник является заместителем, alter ego «террориста»; его смерть заменяет собой смерть террориста, да они могут и слиться в одном жертвенном акте. Ставкой здесь является смерть без всякой возможной сделки. Сделка же выступает замещением смерти, ее устранением. Переговоры с террористами есть, в этом случае, вариант стандартного для мира постмодерна расчетливо-эквивалентного обмена, в который система втягивает террористов с целью упразднить смерть, снять ее в приемлемом для системы эквиваленте. Здесь речь не идет о спасении жизней людей. Итогом эквивалентного обмена вполне может стать силовая акция, приведшая к жертвам, но смерть здесь окажется уже смертью снятой, смертью как частью системы подсчета и обмена, а потому смертью неподлинной. В рамках системы любая смерть, даже массовая бойня на войне легко становится предметом подсчета и учета, но только не смерть символическая, а потому неэквивалентная и подлинная.

Экстремистская акция может явить эту подлинность смерти, ускользя от эквивалентного обмена переговоров. В подлинности экстремизма никто вообще не знает о чем договариваться, не может условиться о терминах или о вариантах эквивалентного обмена. А если их все-таки и удастся сформулировать, то требования оказываются равнозначны полному отказу от сделок. Явленность смерти в экстремизме устрашает не экстремизм, а саму систему, ибо может сделать невозможной сделку как таковую. Это вторжение смерти лишает систему всего преимущества. Она не может ответить ничем, кроме физической, реальной гибели террористов, но в этом и будет заключаться поражение системы, потому что такая гибель как раз и была их ставкой. Система оказывается неспособной по-настоящему ответить на брошенный ей вызов, она сталкивается с собственным же насилием.

«Откликом на смерть может стать только смерть, – пишет Ж. Бодрийяр. И в данном случае так и происходит: система поставлена перед необходимостью совершить самоубийство в ответ, что она явным образом и делает в форме растерянности и слабости. Колоссальный аппарат власти словно разжижается в этой ситуации – ситуации ничтожно мелкой в терминах силовых отношений, но вся нелепость (то есть непомерность) которой обращается против него. Ни полиция, ни армия, никакие институты власти с ее потенциалом насилия ничего не могут сделать против ничтожно малой, но зато символической

⁸ Ломброзо Ч. Анархисты. [Электронный режим доступа] http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Lomb_Anarh/06.php

гибели одного или нескольких людей. Просто их гибель увлекает власть в такую сферу, где ей больше нечем ответить (сходным образом произошло и внезапное структурное разжижение власти в 1968 году – не оттого, что власть была слабее, а просто в силу символического сдвига, который осуществляли своей практикой студенты). Чтобы принять вызов, система может только умереть в ответ, развалиться. В этот миг ее смерть становится символическим ответом – но от него она и гибнет. Вызов обладает смертоносной эффективностью»⁹.

Таким образом, смерть страшна не экстремистам, совершающим свои акции. Подлинная смерть страшна самой системе.

Совокупность всех вышеприведенных аргументов позволяет нам констатировать бесперспективность стратегий противодействия экстремизму, построенных на философских принципах концепции социальной защиты и устрашающего возмездия. Подобные практики, принося временный эффект в долгосрочной перспективе грозят поставить на грань катастрофы саму систему современного общества.

Философско-правовой анализ демонстрирует низкую эффективность теории устрашающего возмездия применительно к экстремизму. Однако стратегия социальной защиты может быть основана и на постулатах теории исправления. Усиление криминализации и ужесточение мер наказания за экстремизм может выступать как необходимое условие исправления.

В противоположность теории устрашения, теория исправления обращена не на проявления преступной деятельности, а на личность преступника. Как указывалось еще в XIX веке в учебнике уголовного права Германии, «теория исправления уважает в преступнике человека, личность, поэтому она думает, что он не может быть низведен на степень простого средства. Она стремится к тому чтобы наказание не только удерживало от преступления третьих лиц, но чтобы оно спасало прежде всего самого преступника от новых преступлений. Но по ее мнению этого возможно достигнуть не с помощью устрашения а, более достойным и благородным образом, и именно через исправление павшего»¹⁰.

Примечательным моментом теории исправления следует считать тот факт, что ее приверженцы предполагают прежде всего и преимущественно юридическое исправление преступника. Исправить в данном случае не означает пересоздать вообще, сделать хорошим человеком в принципе. Исправить, значит, добиться правопослушного поведения. Не случайно уже упоминавшийся Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации поясняет, что под исправлением осужденных понимается «формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения»¹¹.

Фундаментальные основания концепции исправления достаточно разнообразны но в целом могут быть сведены к трем основным подходам:

- утилитаристскому;
- марксистскому;
- религиозно-философскому.

Утилитаристский подход имеет своим исходным моментом положение о человеке, как разумном эгоисте. Противоправный поступок в этом случае является выражением рационального стремления индивида к достижению собственного благополучия и приобретению собственной выгоды, чем демонстрирует то, что данный индивид еще неспособен пользоваться внешней свободой. Тех, кто словом или делом обнаруживает неправомерное помышление, государство наказывает, но суть наказания должна приводить к правомерному помышлению и к правомерной деятельности. Лицам, проявившим неправомерную волю, общество дает путем карательной опеки и карательного воспитания все внешние условия для

⁹ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – С. 100-101.

¹⁰ Бернер А.Ф. Учебник немецкого уголовного права (Часть общая). С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н.Неклюдова. Том.I. По изданию 1867 г. [электронный ресурс – <http://www.allpravo.ru/library/doc101p0/instrum3264/print3274.html>].

¹¹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 07.12.2011); ст. 9.

полного преобразования их воли в волю правомерную, путем пробуждения, питания и упражнения добрых помышлений, чувствований и решений, а также путем устранения внешних соблазнов ко злу и содействия внешним побуждениям к добру. Такая карательная опека и карательное воспитание, или, иначе, исправительное наказание должны приводить, к приобретению способности пользоваться полной свободой.

Еще в начале XIX века подобные идеи теории исправления высказывал И. Бентам. Как указывают исследователи, теория Бентама «разлагая человеческие действия, нашла причину преступления в тонком эгоизме, руководимом страхом или надеждой»¹². По мнению философа, решающим двигателем человеческого поведения выступает польза, которая становится основополагающим мерилом человеческого счастья. Человек действует лишь из соображений личной пользы, поэтому исходным и основным началом для Бентама выступает личный интерес: для каждого человека самое близкое и дорогое – это он сам. Однако личный интерес не противоречит общественному интересу, поскольку общество представляет собой сумму составляющих его индивидуумов и, следовательно, интерес общества есть ни что иное как сумма интересов отдельных его членов. Исходя из этого, Бентам во главу угла исправления преступника ставил попытку привить к нему «принцип пользы», причем привить, по сути, эгоистически и гедонистски. Наказание должно быть максимально рациональным. Разум, осознав разумную идею, придет к разумному выводу об отказе от преступной деятельности. Именно это и становилось той «переменной в характере и привычках» преступника, в которой И. Бентам видел цель теории исправления¹³.

Марксистский подход к теории исправления исходит из первичности социальных отношений, в соответствии с чем суть уголовного наказания определяется не устрашением, а приобщением к труду и воспитанием через коллектив и в коллективе. В полной мере эти идеи были проиллюстрированы исправительно-трудовой педагогикой А.С. Макаренко.

В своих произведениях А.С. Макаренко показывал, что борьба с преступностью будет успешной тогда, когда наказание не будет устрашать, физически или психологически травмировать человека, а создавать условия для рождения новой личности. Труд порождает в местах заключения такие производственные отношения, в которых формируется личность настоящего человека.

Религиозная концепция исправления исходит из пересоздания преступника в наказании под влиянием веры. Здесь может иметься в виду как прямое воздействие религиозных норм на душу человека, возвращение в лоно религии и отход от богопротивных дел, так и некие опосредованные концепции. Особое распространение последние получили в рамках отечественной философско-правовой мысли.

Так, например, В.С. Соловьев в работе «Оправдание добра» отстаивает точку зрения, в соответствии с которой основная функция наказания состоит в избавлении преступника от виновности. Собственно преступник, по Соловьеву, так же как и его жертва является потерпевшей стороной. Но если жертва несет, как правило, физический, внешний ущерб, то преступник претерпевает ущерб внутренний, «порчу», заражается грехом его душа. Поэтому наказание должно компенсировать нанесенный преступлением вред душе преступника.

В связи с таким пониманием наказания, Соловьев принципиально возражает против смертной казни. Общество в лице правосудия, обрекающее преступника (например, убийцу) на смерть, совершает еще большее преступление против естественного права, поскольку не дает ему возможности исправиться. Образцом закона в области наказания должно быть, по Соловьеву, долготерпение Божие, который потому допускает страдание невинных, что ожидает исправления, покаяния их обидчиков.

Суд должен лишь изолировать преступников, не давая им далее грешить и усугублять вред своей душе и обществу, но не карать их смертной казнью. Система наказания должна не устрашать и карать, а исправлять души преступников.

¹² Тепляшин П.В. Истоки и развитие английского тюремоведения. Монография. – Красноярск, Сибирский юридический институт МВД России, 2005. – С. 54.

¹³ См.: Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1998. – С. 171. и др. работы И. Бентама.

Любой из трех вариантов не может выступать в качестве философской основы системы противодействия экстремизму. Это происходит в силу двух основных обстоятельств.

Во-первых, все подходы к теории исправления зиждутся на условии совершения лицом действий, антиобщественная природа которых не ставится им под сомнения. Не случайно оппоненты этой теории утверждают, что она бессильна в отношении нравственно испорченных или умственно недоразвитых преступников. По их мнению, вся теория исправления ложна в своей основе, так как «она годится только для тщедушных натур и женственных характеров»¹⁴. В полной мере этот аргумент применим к экстремистам.

Для лиц данной категории характерным будет взгляд на свои деяния как на общественно полезные. Экстремисты видят себя борцами с мировым злом, освободителями народа (расы, веры и т.п.), а потому ни разум, ни труд, ни вера не могут привести здесь к формированию правопослушного поведения. Исправление личности экстремиста возможно только в случае его мировоззренческого обновления, но теория исправления для себя таких целей не ставит.

Теория исправления обращена к тем, кто действует противоправно из личного стремления к выгоде и собственному счастью. Тут трудом, верой или разумом она показывает необходимость правопослушного поведения. Но по самой своей сути экстремистский мотив не может относиться к узколичностным побуждениям действующего субъекта. Экстремистский мотив это мотив общественный, учитывая тот факт, что речь идет, не о подлинных интересах общества, а о социальных потребностях и интересах, как они представляются экстремистам.

Юристы практики уже отмечают тот факт, что лишение свободы не приводит экстремистов к отказу от осуществления экстремистской деятельности. Напротив, в местах лишения свободы они набираются криминального опыта, получают связи с криминальным миром, что делает их лишь более опасными. Так, А.М. Сысоев¹⁵ основываясь на исследовании лиц, осужденных за осуществление экстремистской деятельности утверждает, что порядка 8% процентов данной категории осужденных в местах лишения свободы стремятся привлечь на свою сторону других осужденных, заинтересовать своими идеями. Более того они пытаются использовать при выполнении своих планов даже представителей администрации исправительных учреждений. А порядка 27% осужденных экстремистов активно устанавливают связи с группами криминальной направленности. Как замечает А.М. Сысоев, в местах лишения свободы такие лица, как правило, примыкают к представителям «блатной» культуры. В этой ситуации не исключена возможность активной пропагандистской деятельности экстремистов в среде осужденных. Практика деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы уже знает подобные примеры. Так, по данным А.М. Сысоева, один из активных членов экстремистской организации «Хизб-ут-Тахрир», находясь в местах лишения свободы, предпринял попытку объединить отбывающих наказание осужденных-мусульман в некую закрытую структуру. В частных беседах среди осужденных к лишению свободы проводил агитационную деятельность, своеобразно цитируя Коран, говоря о грядущей исламизации мира.

История деятельности экстремистских организаций в России и за ее пределами в целом не оставляет иллюзий в возможности кооптации членов экстремистских организаций за счет уголовной среды. Помимо этого нельзя исключить возможность совершения противоправных действий экстремистского и террористического характера оставшимися на свободе экстремистами с целью вызволить из заключения или смягчить условия отбывания наказания для осужденных экстремистов. История знает таких примеров достаточное количество.

Суммируя свои исследования, А.М. Сысоев отмечает, что лица, осужденные за преступления экстремистской направленности входят «в группу риска в плане совершения правонарушений в условиях исправительного учреждения, склонны к действиям, дезорганизирующим деятельность исправительного учреждения»¹⁶.

¹⁴ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т.2. – М., 1994. – С. 243.

¹⁵ Сысоев А.М. Личность экстремиста: опыт криминологического исследования. Монография. – Москва: ПЕР СЭ, 2008. – С. 89

¹⁶ Сысоев А.М. Личность экстремиста: опыт криминологического исследования. Монография. – Москва: ПЕР СЭ, 2008. – С. 97.

Во-вторых, теория исправления не учитывает соотносительности экстремистской деятельности с политической сферой. Экстремизм ориентирован против принципа организации политической власти современных государств. В этой связи возможности исправления экстремиста с помощью уголовного наказания мы должны предпослать вопрос о соотношении пенитенциарных практик с политической системой современных государств.

Характер этой связи вскрыл М. Фуко. В своей работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» философ обращается к периоду конца XVIII – начала XIX столетия, когда происходит кардинальное изменение практик уголовного наказания. На широком историко-юридическом материале Фуко демонстрирует исчезновение тела как главной мишени судебно-уголовной репрессии. Наказание постепенно становится наиболее скрытой частью уголовной процедуры, происходит постепенное исчезновение наказания как зрелища. Это влечет за собой несколько следствий: наказание покидает область едва ли не повседневного восприятия и входит в область абстрактного сознания; эффективность наказания определяется его неотвратимостью, а не зрелищным воздействием; неужасающее зрелище публичного наказания, а именно неизбежность наказания должна отвращать от преступления; функционирование наказания в качестве примера изменяет свои механизмы. Тем самым правосудие больше не берет на себя публично ответственность за насилие, связанное с его отправление. Если оно продолжает убивать, если оно продолжает карать, то не во славу собственной силы; насилие – его внутренний элемент, который ему приходится терпеть, но который ему трудно обосновать.

Приведение приговора в исполнение становится автономным сектором, и его административный механизм снимает ответственность с правосудия; оно избавляется от этого подспудного груза путем бюрократического утаивания наказания. В начале XIX века исчезает грандиозное зрелище физического наказания; избегают казнимого тела; из наказания исключается театрализация страдания. Начинается эра карательной сдержанности.

Для Фуко телесные наказания были способом погружения тела в область политического. Отношения власти захватывают тело, клеймят, муштруют, пытают, принуждают к труду, заставляют участвовать в церемониях, производить знаки. Утрата тела требует нового объекта применения воплощения власти. Таким объектом становится душа.

М. Фуко справедливо замечает, что с тех пор как Европа внедрила новые уголовно-правовые системы, судьи постепенно стали судить уже не преступления, а «душу» преступников. В этом случае коренное переосмысление претерпевает наше понимание того, что есть душа. Французский мыслитель уверен в том, что в ней следует видеть современный коррелят определенной технологии власти над телом. «Неверно было бы говорить, что душа – иллюзия или результат воздействий идеологии, – считает М. Фуко. – Напротив, она существует, она имеет реальность, она постоянно создается вокруг, на поверхности, внутри тела благодаря функционированию власти, воздействующей на наказываемых – вообще на всех, кого контролируют, воспитывают, муштруют и исправляют, на душевнобольных, на детей в школе и дома, на заключенных в колониях, на тех, кто припаян к производственной машине и подвергается контролю на протяжении всей остальной жизни. Душа в ее исторической реальности, в отличие от души в представлении христианской теологии, не рождается греховной и требующей наказания, но порождается процедурами наказания, надзора и принуждения. Эта реальная и нетелесная душа не есть субстанция; она элемент, в котором соединяются и выражаются проявления определенного типа власти и предметная область определенного знания, она механизм, посредством которого отношения власти порождают возможное знание, а знание распространяет и укрепляет воздействия власти»¹⁷.

В конечном итоге М. Фуко утверждает, что правильнее говорить не о гуманизации наказаний, а об изменении в характере власти. Появление души на сцене уголовного правосудия, а вместе с тем внедрение в судебную практику корпуса «научного» знания является, по мысли французского философа, следствием преобразования способа захвата тела как такового отношениями власти.

Таким образом, если практики уголовного наказания воплощают претензию власти, причем власти политической на всеобъемлющее присутствие, то уголовное пресле-

¹⁷ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М., Республика, 1997. – С. 224.

дование экстремизма едва ли сможет привести к положительным результатам. Лишение свободы не ситуация исправления или устрашения, а еще один этап борьбы с властью – на новом поле в других, чем прежде, более сложных условиях.

В этом случае места лишения свободы превращаются в «мои университеты». Временной период системной борьбы с экстремизмом в Российской Федерации еще слишком мал, чтобы мы могли оценить эффективность работы пенитенциарных учреждений и политики уголовного наказания, показателем чего является в первую очередь, уровень рецидивной преступности экстремистской направленности. Однако же действия отдельных лиц, отбывших срок лишения свободы за осуществление экстремистской деятельности не оставляет никаких гарантий того, что лишение свободы будет расцениваться экстремистами как повод к возврату в общество, а не как событие, углубляющее личную приверженность делу борьбы.

В целом проведенный анализ демонстрирует неприемлемость философско-правовых принципов концепции социальной защиты для построения целостной концепции противодействия экстремизму. Дальнейшее развитие практики противодействия данному общественно опасному деянию по сценарию «социальной защиты» не только не приведет к положительному результату, но и может представлять серьезную угрозу для российского государства. Философско-правовой анализ не оставляет сомнений в необходимости пересмотра фундаментальных оснований противодействия экстремизму.

Список литературы

1. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1998.
2. Бернер А.Ф. Учебник немецкого уголовного права (Часть общая). С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному Н.Неклюдова. Том.I. По изданию 1867 г. [электронный ресурс] – <http://www.allpravo.ru/library/doc101p0/instrum3264/print3274.html>.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000.
4. Вэйг Т. Телемечтатели: Фракция Красной Армии: 1963 – 1993. – Гродно, 2004.
5. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Наука, 1990.
6. Ломброзо Ч. Анархисты. [Электронный режим доступа] http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Lomb_Anarh/06.php
7. Ньютон Х.П. Революционное самоубийство. – М.: Ультра-культура, 2005.
8. Савинков Б. (В. Ропшин). Конь бледный. //Савинков Б. Автобиографическая проза. – М.: Захаров, 2002.
9. Сысоев А.М. Личность экстремиста: опыт криминологического исследования. Монография. – Москва: ПЕР СЭ, 2008.
10. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т.2. – М. Юрист, 1994.
11. Тепляшин П.В. Истоки и развитие английского тюрьмоведения. Монография. – Красноярск, Сибирский юридический институт МВД России, 2005.
12. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 07.12.2011).
13. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М., Республика, 1997.

LAW PHILOSOPHICAL CONCEPT OF SOCIAL PROTECTION AS A BASIS OF STRATEGY OF COUNTERACTION TO EXTREMISM: CRITICAL ANALYSIS

E.V. SALNIKOV

*Orel Law Institute
of the Ministerium of Interior*

The article deals with philosophy of law which grounds the strategy of counteraction to extremism in modern Russia. The author considers that the philosophical concept of "social protection" won't be effective with reference to extremist activity. Leaning the ideas of Cesare Lombroso, Jean Baudrillard, Michel Foucault, the author proves that criminal punishment for extremism isn't capable neither to frighten, nor to correct criminals.

Key words: Extremism, theory of frightening punishment, social protection theory, correction theory, punishment philosophy.